

О себе он однажды сказал: «Материально я жил мерзко, но совершил революцию иконного искусства. Я ведь думаю: иконописцы — большие художники, и зло было слушать, когда, бывало, придешь на собрание, а председатель сельсовета клеймит нас богомазами, никому не нужными людьми».

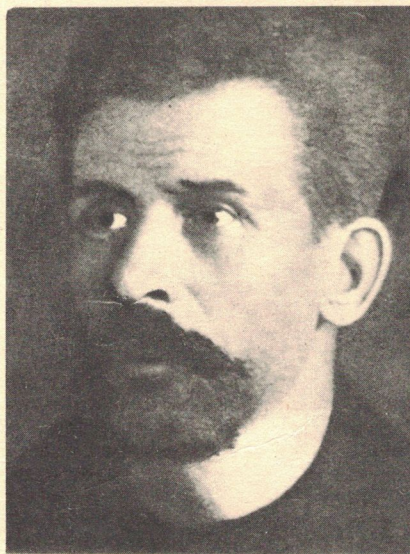
В таком положении в начале 20-х годов оказался не только палешанин Иван Голиков (1886—1937), но все «богомазы», веками хранившие и передававшие из поколения в поколение тайны своего «святого ремесла».

Революция распорядилась по-своему с этим духовным наследием Руси...

Но Палех не просто сохранился, выжил как некий реликтовый островок. В Палехе произошла еще одна революция. Революция в искусстве, не уничтожившая, а сохранившая прошлое.

Палехский художник Иван Голиков сделал то, что не удалось свершить ни одному из народных сказителей, пытавшихся в те же самые годы создавать так называемые «новины» вместо традиционных «старин» (народное название былин). Каким бы выдающимся поэтическим даром ни обладали Марфа Крюкова, Анна Пашкова, Иван Фофанов или же Петр Иванович Рябинин-Андреев, их «новины» не привели к возрождению народной поэзии. Скорее, наоборот, — стали свидетельством глубочайшего кризиса, упадка. Еще одним — уже не теоретическим, а практическим подтверждением —

Палехский гений

И. И. Голиков, 1928 г.

П. Д. Корин (второй слева, сидит) среди палешан во дворе Третьяковской галереи.

Стоит (первый справа) — И. И. Голиков

нерасчлененности традиционного содержания и традиционных форм народного творчества.

Но Иван Голиков свершил то невероятное, что не укладывается ни в какие теоретические постулаты и что подвластно лишь гению.

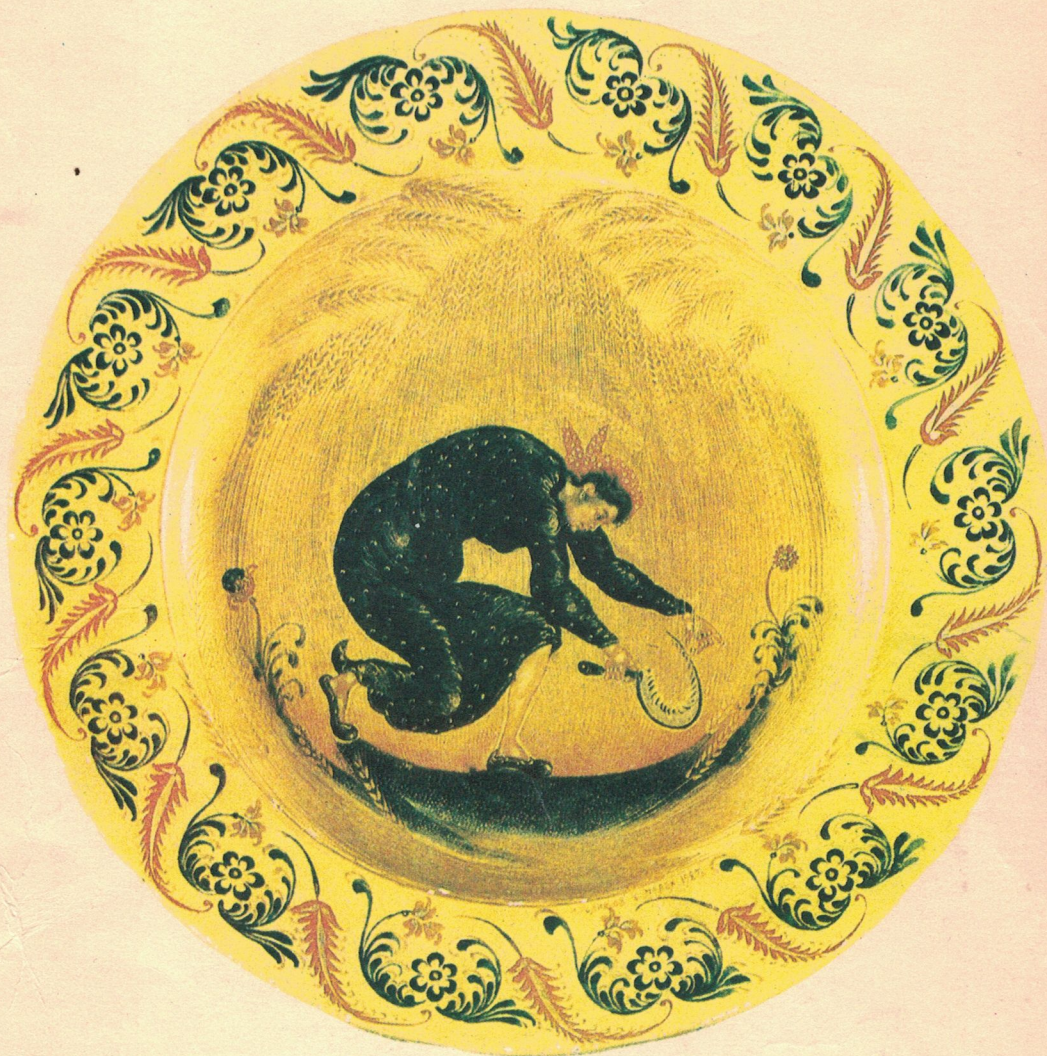
Ведь его «Битва», «Изба-читальня», «Косарь» — это и есть «новины», только не в фольклоре, а в народном изобразительном искусстве, которое тоже основано на неизменности и преемственности традиций. Но в том-то и дело, что Иван Голиков ничего не изменил и не разрушил. Он сохранил вековые традиции иконописного Палеха. Сохранил народное искусство от уничтожения, от забывания.

Правда, и сейчас есть «специалисты», для которых имя Ивана Голикова остается как бы вне пределов «подлинного» искусства. Но еще больше их было тогда, в 20—30-е годы, когда один из них писал: «У палехцев содержание едино с их мировосприятием, каким оно было до революции. И их искусство — это искусство иконо-былинно-сказочного мира, витиеватое, богатое «изографское» искусство теремной Москвы и является отдушиной для классово чуждой нам идеологии».

Но все подобные заклинания — как в прошлом, так и в настоящем — меркнут перед любой миниатюрой палешанина Ивана Голикова, перед его «Словом о полку Игореве», перед подлинно народным гением.

К. ЛУГИН

7-137

На 1 и 4 обложках — работы
Ивана Голикова.
Палех.
1927 г.